

ЕВРИПИД

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

Перевёл с древнегреческого Вланес

ИФИГЕНИЯ

Когда-то Пёлоп Танталид, примчавшись в Пизу
на лошадях, дочь Ойномая взял в супруги,
она Атрея родила, а у Атрея
два сына было – Менелай и Агамемнон.
Последний – мой отец, а мать мне – Тинтарида.
Я – Ифигения. Там, где Эврип вращает
неугомонным ветром синюю пучину,
отцу казалось, в славной гавани Авлиды
меня заклал он за Елену Артемиде.
К той гавани стянулась тысяча судов
со всей Эллады. Был вождём их Агамемнон,
желающий ахейцам дать венец победы
над Илионом и утешить Менелая,
отмстив за брак его поруганный с Еленой.
Безветрием непостижимым остановлен,
он к жертве огненной прибег, и молвил Калхас:
«Повелевающий всем воинством Эллады
вождь Агамемнон! Этот флот не выйдет в море,
покуда в жертву Ифигению твою
не примет Артемида. Клялся ты, что лучший
плод года посветишь богине светоносной.
А лучший плод в твоём же доме принесла
супруга Клитемнестра,» – на меня намёк был.
«Им жертвуй». Одиссей уловкой разлучил
дочь с матерью: для брака, мол, с Ахиллом.
В Авлиде же меня, бедняжку, над костром
подняли и мечом готовились прирезать.
Но Артемида выкрала меня, и лань
дала ахейцам, и по светлому эфиру
со мной умчалась, и велела жить в Тавриде,
а этой варварской землёю правит варвар
Фоант. Ступни его летучи, словно крылья,
и быстротой он заслужил такое имя.
Вот в этом храме жрицей сделала меня
богиня Артемида. Милым ей обрядам
я следую на празднике (какой тут праздник,
одно названье: но молчу, боюсь богини)
и в жертву приношу, по местному закону,
любого эллина, пришедшего в наш город.
Я жертву освящаю, а само закланье –
других негласный труд в святилище богини.
Ночь эта принесла мне странные виденья,

о них скажу эфиру. Может, легче станет.
Мне снилось, что покинула я эту землю
и в Аргосе живу. В девических покоях
лежу и сплю. Вдруг вся земля как затрясётся!
Из дома я бегу, стою и наблюдаю:
а тут карниз и крыша с высоты колонн,
державших дом, ниспровергаются на землю.
Осталась, кажется, всего одна колонна
от дома отчего, и капитель её
покрылась льном волос, и говорит со мною.
А я, гостеубийства следуя обряду,
опрыскала её водой, готова к смерти,
сама же плачу. Сон мой вот что означает:
Ореста нет. Его-то я и посвящала.
Колонны дома – дети мужского пола,
и гибнут все, кого водой я орошаю.
Я с родственниками не связываю сон:
бездетным Строфий был, когда меня заклали.
Теперь хочу свершить я брату возлиянья,
из дали в даль (одно лишь это мне по силам),
с прислужницами, коих дал мне повелитель,
гречанками. Но почему-то ни одна
ещё не появилась. В дом пока войду я,
где и живу, вблизи святилища богини.

ОРЕСТ

Смотри, чтоб кто-нибудь не вышел на дорогу!

ПИЛАД

Смотрю, глазами во все стороны вожу.

Ор. Пилад, как ты считаешь: это храм богини?

Его приплыли мы из Аргоса искать?

Пил. Всё так, Орест. Со мной ты должен согласиться.

Ор. И вот алтарь, где льётся греческая кровь?

Пил. Весь верх его стал бурым. Видимо, от крови.

Ор. Ты видишь головы, висающие вверху?

Пил. Пожертвования с убитых чужестранцев.

Однако нужно во все стороны глядеть.

Ор. О Феб, в какую сеть опять меня завёл ты
своим оракулом? Отмстил я за отца,
убил я мать – и вот под натиском Эриний
теперь бросаюсь прочь из собственной страны,
ристалище своё кругами огибая!

Тебя спросил я: как безумья колесо
остановить, как прекратить мученья эти,
которые терплю, скитаясь по Элладе?

Ты мне велел прийти в таврическую землю,
где алтари твоей сестры есть, Артемиды,
и взять там статую богини. Говорят,
что с небосвода в здешний храм она упала.

Призвав на помощь либо хитрость, либо случай,

преодолев опасность, статую отдать
афинянам (что дальше делать, не сказал ты)
и получить отдохновение от страданий.
Тебя послушавшись, я прибыл в незнакомый
и негостеприимный край. А ты скажи мне,
Пилад (ведь ты мне в этом странствии помощник):
что делать нам? Ты видишь, этих стен ограды
высоки. Как же по ступеням храма мы
поднимемся? Как незаметно прокрадёмся?
Найти ли где-то ломы? Но затворов медных
отсюда нам не видно. Если дверь взломаем
и нас поймают при попытке в храм войти,
то нам конец. Довольно же играть со смертью.
Вернёмся на корабль и уплывём отсюда!

Пил. Бежать негоже нам, не наше это дело,
да и велений бога презирать не стоит.
Уйдём от храма и укроемся в пещере,
омытой влагою темнеющего моря,
вдали от корабля, а то его увидят,
властям доложат, и тогда мы попадёмся.
Когда проступит ночи тёмное лицо,
отполированную статую решимся
любыми средствами из храма унести.
Смотри: наверное, в зазор меж тех триглифов
спуститься можно. Храбрецы идут на подвиг
с дерзанием, а трусы ни на что не годны.
Не для того так долго в море мы гребли,
чтоб возвратиться вспять, едва достигнув цели.

Ор. Сказал ты хорошо. Так и поступим. Нужно
залечь нам где-нибудь, чтоб нас не видно было.
Не может божество свои же предсказанья
не исполнять, но и от нас нужна отвага.
Кто юн, тому нельзя отлынивать от дела.

Иф. Храните молчанье, живущие
у сходящихся скал двойных
негостеприимного моря!

ХОР

Дочь Лето,
Диктинна горная,
к твоему жилищу и золочёным карнизам
храма прекрасноколонного
священные девичьи стопы я направляю
в священном обряде, рабыня твоей ключницы,
покинувшая городские стены и башни
дивноконной Эллады
и Европу с лесистыми пастбищами,
места домов отчих.
Я здесь. Что случилось? Что тебя заботит?

Зачем же к храму меня привела, привела
ты, дочь человека, цитаделей Трои
достигшего со славным флотом
из тысячи судов, с несметным воинством
знаменитых сынов Атрея?

Иф.

Эх, служанки,
в каком преплачевном плаче
я утопаю, в безлирных жалобах
песни, немилой музам, ай-ай,
в стенаньях по брату родному!
Несчастье со мною случилось, несчастье,
я плачу по близкому человеку,
лишённого жизни: такое пришло мне
виденье во снах,
когда тьма ночная развеялась!
Я погибла, погибла –
нет больше дома предков!
Ах, ах, исчезнувший род мой!
Увы, увы, несчастья в Аргосе!
Эх, судьба,
единственного брата родного похитила ты,
в Аид отправив его, кому возлиянья эти
я свершить собираюсь, кратер для мёртвых
выплёскивая на спину земли:
млеко телиц горных,
Вакховы винные струи,
труд тёмно-жёлтых пчёл
мёртвым на утешение льются.
Дай же мне из чистого золота
кубок и питьё для Аида!
Отпрыск Агамемнона, ушедший под землю,
тебе, как умершему, я эти дары посылаю.
Прими их, ведь на могилу твою
ни золотых волос, ни слёз не принесу я.
В такую даль переселена
от нашей с тобой родины, где я, как думают люди,
лежу бездыханная, ставшая жертвой, злосчастливая!

Хор

Ответными воспеваньями,
варварским звуком гимнов азийских
для тебя, госпожа, зайдусь я,
скорбной песнью для мёртвых, прерываемой плачем,
которую среди мелодий своих тянет Аид,
непохожую на пеаны.
Увы, род атридов!
Пропал и свет, и скипетр, увы,
отчего дома!
Всё в Аргосе, с обласканных счастьем
царей началось.

Беда за бедой набегает:
летающими по кругу конями крылатыми
сдвинул с места священное
многосиянное око Гелиос.
Разным людям разные бедствия
в дом пришли от золотого ягнёнка,
убийство на убийстве, скорбь на скорби!
Отсюда, от ранее убитых сынов Танталовых,
выступает возмездие
на этот дом, и судьба подгоняет к тебе
нежелательные события.

Иф. Уже вначале была бездольной
доля моя, с той ночи, <когда был развязан>
пояс моей матери. Уже вначале
Мойры, богини, за рождением следящие,
туго-туго натянули нить моего детства.
Сватались ко мне со всей Эллады, была я
перворождённой ветвью на родительском ложе,
которую Леды несчастная дочь
для закланья – отцова бесчинства,
для безрадостной жертвы
родила и вскормила, уже посвящённую.
С колесницы, лошадыми запряжённой,
на пески Авлиды меня высадили,
новобрачную, увы, безбрачную,
для сына Нереевой дочери, ай-ай!
И ныне, гостя у негостеприимного моря,
в бескормном жилище живу я,
без семьи, без детей, без дома, без друга!
В Аргосе не воспеваю я Геру
и за ткацким станком прекрасноразвучающим
не вышиваю челноком многоцветный образ
Паллады Аттической и Титанов,
но алтари окропляю, под звуки не лирные,
горем чужестранцев, истекающих кровью,
возвышающих жалобный голос,
проливающих скорбные слёзы.
Теперь же о них позабыла я
и плачу об убитом в Аргосе
брате родном, его я покинула ещё грудным
ребёнком, ещё крохотным, ещё веточкой
на руках матери, у её груди –
аргосского скиптродержца Ореста!

Хор Однако посмотри: покинув берег моря,
пастух к тебе с какой-то новостью идёт.

ПАСТУХ

Дочь Агамемнона и Клитемнестры, слушай,

какое странное известие несу я!

Иф. Чем прежнюю беседу хочешь ты прогнать?
Паст. В наш край приплыли двое юношей, избегнув
на корабле своём свинцовых Симплегад –
вот жертва для заклянья, что приносит радость
богине Артемиде. Ты с водой священной
и ячменём не медли, всё готовь к обряду!

Иф. Они откуда? Как одеты чужестранцы?
Паст. Как эллины. Я больше ничего не знаю.

Иф. А как зовут приезжих? Разве ты не скажешь?
Паст. Пиладом называл один из них другого.

Иф. А спутник иноземца? Как его-то имя?
Паст. Никто не знает. Мы расслышать не успели.

Иф. Вы где их видели, настигли, захватили?
Паст. У края негостеприимного пролива.

Иф. Зачем вам, пастухам, у моря находиться?
Паст. Морской водою мы пришли помыть коров.

Иф. Вернись опять к рассказу. Как вы их поймали,
каким же способом? Хочу я это знать.
Здесь греков не было давно. Алтарь богини
струями крови их ещё не утолился.

Паст. В морской поток, текущий между Симплегад,
стада, которых лес питает, завели мы,
а там глубокая расщелина прибором
прорезана – приют ловителей багрянок.
Пастух, один из наших, юношей двоих
заметил и пришёл на цыпочках обратно.
Сказал: «Не видите ли? Боги там сидят
какие-то!» Другой из нас, благочестивец,
вверх руки поднял и, смотря туда, молился:
«О, сын богини Левкотеи, страж судов,
правитель Палемон, ты смилуйся над нами!
Не Диоскуры ль вы, сидящие у моря,
не дети ли Нерея, давшего рожденье
благому хору полусотни Нереид?»
Другой же, пустомеля, дерзостный в бесчинстве,
молитвы осмеял. Мол, моряки-крушенцы
в пещере прячутся, боясь законов наших,
узнав, что в жертву мы приносим чужестранцев.
Слова его пришлись по вкусу большинству,
да и таков обычай – жертвовать богине.
Но тут один приезжий вышел из-за скал
и встал, туда-сюда мотая головою,
стена громко и руками потряся,
петляя дико и крича, как на охоте:
«Пилад, её ты видел? Разве ты не видишь –
меня айдова драконица стремится
убить и щерит пасть в кольце ехидн ужасных?
Другая, рядом, брызжа пламенем и кровью,
вздывая крылья, мать мою держа в объятьях,

в меня швырнуть желает ею, точно камнем!
Ой-ой, убьёт! Куда бежать?» Нигде, однако,
существ подобных видно не было: он принял
мычание коров и гавканье собак
за крик Эриний, так, по слухам, голосащих.
Сгрудившись, ждали мы, что он вот-вот умрёт,
и все сидели молча. Он же меч свой вынул
и, прыгнув прямо в толщу стада, точно лев,
кромсал коров железом, их бока и рёбра,
считая, что богинь Эриний отражает,
пока не расцвела поверхность моря кровью.
Тут наши люди, видя, что скотина гибнет,
уничтожается, оружие схватили,
задули в раковины, горожан сзывая:
таких здоровых чужеземцев молодых
нам, пастухам, не удалось бы пересилить.
Толпа народа как-то сразу собралась.
Чужак свалился, вёсла бешенства утихли,
закапал пеной подбородок. Увидав,
что кстати он упал, мы стали со всей силы
швырять в него камнями. А другой приезжий
ему с губ пену вытирал, о нём заботясь,
и пеплоса прекрасной тканью прикрывал,
готовясь отражать всё новые удары,
своим вниманьем благодетельствуя друга.
Придя в себя, поднялся мигом чужестранец
и, видя волны приближавшихся врагов,
несущих горе неизбежное обоим,
как закричит, а мы швырять камнями в них
не прекращали, отовсюду налегая.
И вот мы слышим ужасающий призыв:
«Пилад, приходит смерть! Давай умрём как можно
великолепнее! За мною! Меч из ножен!»
Два вражеских меча увидев, мы пустились
бежать, лесистые ущелья наполняя.
Хоть мы и отступили, прочие остались,
давя врагов, и с каждым натиском успешным
назад шли беглецы и вновь брались за камни.
Невероятно: ни одна из тысяч рук
не ранила людей, назначенных богине.
Их одолели мы, но не отвагой нашей –
собравшись в круг, из рук их выбили мечи
камнями, а враги упали на колени
в изнеможеньи. Мы их сразу во дворец.
Там царь, едва взглянув на них, послал к тебе их,
к воде священной и обрядовым сосудам.
Ты, девушка, молись таких вот чужестранцев
всегда иметь для жертвы. Гибелью приезжих,
подобных им, заплатит Греция за кровь,
которую в Авлиде дальней пролила ты.

Хор Рассказ твой чуден, кем бы ни был этот грек,
по морю прибывший, холодному к пришельцам.

Иф. Ну ладно. Ты за чужестранцами ступай,
а мы начнём приготовление к обряду.
О, сердце бедное, всегда для чужеземцев
ты было кротким и открытым состраданию,
и щедро землякам отмеривало слёзы,
когда в руках моих оказывались греки.
Но ныне из-за снов моих я стала дикой,
считая, что Орест уже не видит солнца,
и будете вы, гости, встречены враждебно.
Теперь я поняла, что так и есть, подруги:
кто горя натерпелся, тот не проявляет
благожелательности к более счастливым.
Сюда вовеки не домчался ветер Зевсов,
и ни один корабль меж Симплегадских скал
к нам ни Елену не привёз, мою погибель,
ни Менелая, чтобы я им отомстила,
Авлиде здешней противопоставив ту,
где, как телицу, повели меня данайцы
на смерть, и был жрецом мой собственный отец!
Увы (не позабыть мне этого несчастья):
как часто я тянулась к бороде отцовой,
как часто я к его коленам прижималась,
твердя: «Отец, меня ты замуж выдаёшь,
но этот брак позорен, ведь и аргивянки,
и мать моя, пока меня ты убиваешь,
поют мне свадебные песни, и весь дом
наполнен звуком флейт, а ты меня тут губишь!
Аид – мой Ахиллес, никак не сын Пелея,
ты вот кого мне дал в мужья, и в колеснице
меня обманом на обряд привёз кровавый!»
Моё лицо покрыто было тонкой тканью,
и на руки поднять я не решилась брата,
теперь погибшего, поцеловать стыдилась
уста сестры, ведь ехала я в дом Пелеев,
и на потом так много ласк я отложила,
считая, что смогу опять вернуться в Аргос.
Страдалец, если умер ты, какого счастья
лишился ты, Орест, какой отцовой доли!
Я порицаю изворотливость богини:
коснётся смертный крови, пособит при родах,
притронется руками к трупу – не допустит
она такого к алтарям, сочтёт нечистым,
самой же любы человеческие жертвы!
Не может быть, чтоб Лето, Зевсова подруга,
подобной душой разродилась! Я не верю,
что боги угощались на пиру Тантала
его же сыном, смаковали плоть ребёнка!
Туземцы эти, сами жажда убийства,

перевели своё злодейство на богиню.
Я думаю, что божество от зла свободно.

Хор

Синие, синие слиянья морские,
где овод, летящий из Аргоса,
пересёк негостеприимную пучину,
направляясь в азиатскую землю
из покинутой им Европы.
Кто же они, оставившие обильный водою,
зеленеющий тростником Еврот
или потоки священные Дирки,
чтобы прийти, прийти в неприветливый край,
где для дочери Зевса
алтари и колонные храмы
смертная кровь орошает?

С двойным плеском сосновых вёсел
пронесли ли они по морским волнам
на парусной колеснице, подгоняемой ветрами,
соревнуясь в любви к богатству
для расширения своих владений?
Мила надежда смертным, на их же горе,
не могут люди насытиться ею,
добывая бремя богатства
в морских блужданиях к варварским городам,
в свойственных всем ожиданиях.
Одним бесполезно мечтать о богатстве,
к другим же оно само приходит.

Как же сбегающиеся скалы,
как же Финеевы
бессонные берега миновали они,
вдоль побережья морского
промчавшись по шумным волнам Амфитриты,
где пятьдесят дочерей
Нереевых поют и водят
круговые хороводы,
когда паруса вздувались,
и вдоль кормы судна
с крепко сидящими в уключинах вёслами рулевыми
свистели южные ветры
или вздохи Зефира,
устремляясь к птицеобильной земле,
к белому побережью,
славным ристалищам Ахилла,
по негостеприимному морю?

О, если бы молитвами госпожи
Елена, любимая дочь Леды,
приехала, решив покинуть

Троянский город,
чтоб россою кровавой
окружить себе волосы и умереть
от руки госпожи, перерезающей горло,
понеся равносильную кару!
Но было бы слаще всего
весть получить, что из Эллады
кто-нибудь из моряков прибыл,
чтобы рабство моё
бездольное прекратить.
А так, хотя бы во снах моих
оказаться мне дома, в отцовом городе,
наслаждаясь приятными гимнами,
разделяя радость счастливых!

Вот идут, руки стянуты в пугах,
двое юношей – новая жертва
для богини. Молчите, подруги!
Лучший дар, приносимый Элладой,
близко к этому храму подходит:
это значит, нам ложных рассказов
не принёс волопас.
О владычица, если ты ценишь
жертвы города, то принимай их,
даже если законы Эллады
нечестивыми их объявляют.

Иф.

Ну хорошо.
Обряд богини я должна благопристойно
устроить. Развяжите руки чужестранцам,
на посвящённых быть верёвок не должно.
Войдите в храм и приготовьте всё, что нужно
в подобных случаях, как нам велит обычай.
Увы!
Какая мать вас родила, и кто отец ваш,
и кто сестра вам, если есть у вас она?
Каких она теперь лишится юных братьев,
обоих сразу! Кто же ведает, кому
такое выпадет! Дела богов украдкой
всегда вершатся, и никто беды не видит.
Судьба ведёт нас прочь, к непостижимой цели.
Откуда вы явились, бедные пришельцы?
Ведь вы издалека приплыли в эту землю,
и долго вам, вдали от дома, быть под нею.

Ор.

К чему страдать и нашим, женщина, злосчастьем
себя так беспокоить, кем бы ни была ты?
Тот не мудрец, кто, собираясь убивать,
страх смерти в жертве хочет жалостью рассеять,
не мудр и тот, кто у дверей Аида воет,
уже отчаявшись в спасеньи. Две беды он

сплетает из одной: и прослывёт глупцом,
и всё равно умрёт. Пускай судьба вершится.
За нас не надо плакать. О закланьях ваших
мы знаем всё и нам известна их причина.

Иф. Один из вас Пиладом назван был. Который
из вас Пилад? Узнать хочу я для начала.

Ор. Вот он, раз это знание так тебе приятно.

Иф. Он гражданин какого города Эллады?

Ор. Какая, женщина, тебе-то в этом польза?

Иф. Ты мне скажи: вы братья? Мать у вас одна?

Ор. Мы братья, женщина, по дружбе, не по крови.

Иф. А твой отец тебе какое имя дал?

Ор. Сказать по правде, так мне имя – Несчастливец.

Иф. Я не о том. Судьбу вини в беде своей.

Ор. Над безымянным трупом вы не посмеётесь.

Иф. Не хочешь представляться? Ты настолько горд?

Ор. Лишь тело в жертву принесёшь ты, но не имя.

Иф. Ты даже город свой не хочешь называть?

Ор. Нет смысла в этом, я уже готовлюсь к смерти.

Иф. Но что тебе мешает оказать мне милость?

Ор. Я славным Аргосом горжусь, своей отчизной!

Иф. О боги! Чужестранец, ты оттуда? Правда?

Ор. Я правда из Микен, когда-то процветавших.

Иф. Весьма желанен твой из Аргоса приезд!

Ор. Не мне. Тебе желанен – вот и будь довольна.

Иф. Изгнанник ты? Зачем ты родину покинул?

Ор. Я вроде бы изгнанник, вольный и невольный.

Иф. Ты можешь мне сказать о том, что знать хочу я?

Ор. К моей беде прибавка это небольшая.

Иф. О Трое, всеми обсуждаемой, ты знаешь?

Ор. Хочу не знать и даже снов о ней не видеть!

Иф. По слухам, нет её. Повержена копьём.

Ор. Всё так и было. Слухи эти не пустые.

Иф. Елена снова возвратилась к Менелаю?

Ор. Пришла, кому-то из моей семьи на горе.

Иф. А где она? Нам с нею нужно рассчитаться.

Ор. Сожительствует в Спарте с мужем предыдущим.

Иф. Не мне одной, а всей Элладе ненавистна.

Ор. Мне тоже перепало от её замужеств.

Иф. Пришли домой ахейцы, как и возвещалось?

Ор. Так много ты вопросов разом задаёшь!

Иф. Пока не умер ты, всё выведать хочу я.

Ор. Ну, спрашивай, раз хочешь. Я тебе скажу.

Иф. Был Калхас, прорицатель. Он вернулся в Трою?

Ор. Скончался он, приходят слухи от микенцев.

Иф. Владычица, как славно! А Лаэртотв отпрыск?

Ор. Ещё домой не возвратился, говорят.

Иф. Пускай умрёт, не увидав своей отчизны!

Ор. Его не проклинай ты. С ним и так всё плохо.

Иф. А сын Фетиды Нереиды жив ещё?

Ор. Не жив. Напрасно он женился бы в Авлиде.
Иф. Коварным браком, как известно пострадавшим.
Ор. Да кто ты? Об Элладе умно вопрошаешь.
Иф. Оттуда я. Лишилась родины ребёнком.
Ор. Тогда твоя пытливость, женщина, понятна.
Иф. Как полководец, называемый счастливым?
Ор. Какой? Известен мне один, не из счастливцев.
Иф. По имени Атрид, правитель Агамемнон.
Ор. Не знаю. Женщина, оставим эту тему.
Иф. Молю богами, гость! Скажи, меня обрадуй!
Ор. Бедняга сам погиб и погубил другого.
Иф. Погиб? Что с ним случилось? Горе мне, злосчастной!
Ор. Чего ты стонешь? Что он, родственник тебе?
Иф. Я плачу по его былому процветанью.
Ор. Он страшно умер. Был он женщиной зарезан.
Иф. Достойны плача и убийца, и убитый!
Ор. Заканчивай, не задавай уже вопросов.
Иф. Ещё один: жива ль супруга несчастливца?
Ор. Нет, не жива. Её убил её же сын.
Иф. Разбитая семья! Зачем её убил он?
Ор. Отмстил он ей за гибель своего отца.
Иф. Увы!
Как справедливо совершил он злодеянье!
Ор. И этот праведник лишён богами счастья.
Иф. У Агамемнона остались в доме дети?
Ор. Ещё не выданная замуж дочь Электра.
Иф. И что же? О другой, зарезанной, не вспомнят?
Ор. Лишь то, что умерла и света уж не видит.
Иф. Она сама несчастна и отец-убийца.
Ор. Пошла на смерть в угоду женщине негодной.
Иф. А в Аргосе ли сын погибшего отца?
Ор. Живёт повсюду и нигде он, злополучный.
Иф. Сны лживые, прощайте! Были вы пустыми!
Ор. И божества, которых мудрыми считают,
в своей нелживости не выше снов крылатых.
Царит огромное смятение в делах
богов и смертных. Мне одна причина горя:
неглупый человек, доверившись пророкам,
погиб – да так, как только знающим известно.
Хор Увы! Увы! А где родители мои?
Живут ли? Не живут? А мне-то кто расскажет?
Иф. Послушайте! Мне в голову пришла идея,
как пользу, чужеземцы, принести и вам,
и мне. Успеха достигают непременно,
когда всем нравится задуманное дело.
Ты согласишься ль, если я тебя спасу,
весть обо мне моим родным доставить в Аргос
и отнести письмо? Его один из пленных,
меня жалея, записал. Мою он руку
в убийстве не винил, считая смерть законной,

раз это было справедливо для богини.
Но не было здесь никого, кто смог пойти бы,
избегнув смерти, в Аргос, и отдать письмо
какому-нибудь родственнику или другу.
Ты, кажется, не низкого происхожденья,
Микены знаешь ты и нужных мне людей.
Беги отсюда вместе с платой непостыдной,
за лёгкую дощечку получив спасенье.
А спутник твой, раз город этого желает,
с тобой расставшись, станет жертвой для богини.

Ор. Всё славно, чужестранка, кроме одного:
мне гибель друга будет ношей слишком тяжкой.
Ведь это я везу свои несчастья в трюме,
а он отправился со мной из состраданья.
Негоже заслужить признательность твою
и снять с себя беду ценою смерти друга.
Давай так сделаем: ему отдай письмо,
пусть едет в Аргос и дела твои устроит.
Меня же убивайте. Нет постыдней дела,
чем жизнь своих друзей в несчастье повергать,
а самому спастись. Он по правде друг мой,
и то, что свет он видит, я ценю не меньше.

Иф. Вот мужество! Из благородного ты корня
произрастаешь, верный друг своим друзьям.
О, если бы таким и брат мой был родимый,
коль он ещё живой! Не лишена я брата,
хоть я его теперь не вижу, чужеземцы.
Раз ты об этом просишь, друга твоего
пошлём письмо мы отвозить, а ты умрёшь,
поскольку так в тебе сильно желанье смерти.

Ор. А кто решится на поступок этот страшный?
Иф. Я жертву освящу. Я тем служу богине.
Ор. Несчастной, девушка, и незавидной службой.
Иф. Моей тут воли нет, должна я это делать.
Ор. Ты, женщина, сама мечом убьёшь мужчину?
Иф. О нет, лишь окроплю я волосы водою.
Ор. А кто закланье совершит, узнать мне можно?
Иф. Есть люди в нашем храме, это их работа.
Ор. Какая мне могила будет после смерти?
Иф. Огонь священный и широкое ущелье.
Ор. Увы!

Иф. И как теперь моя сестра меня обрядит?
Напрасное желанье, бедный, кто б ты ни был!
Она живёт вдали от варварской земли.
Но всё-таки, раз ты являешься аргивцем,
в услуге я не откажу тебе посильной.
Дарами многими украшу я могилу
и маслом золотистым прах твой погашу,
и собранный в горах цветотекущий блеск
пчёлы коричневой на твой костёр я вылью.

Пойду и принесу из храма я богини
табличку. Чтоб меня ты не считал враждебной,
несвязанными, слуги, вы их сторожите!
Я, может быть, тому, кто мне роднее всех,
нежданное письмо отправлю в град аргосский
с известьем, что жива считавшаяся мёртвой,
и дам для ликованья достоверный повод.

Хор Мы плачем по тебе, предназначенному
для смеси кровавых капель и воды священной!

Ор. Не надо жалости. Прощайте, чужестранки!

Хор Тебя же, юноша, в судьбе счастливый,
мы почитаем: ты на родную землю ступишь!

Пил. Чему завидовать? Что спасся смертью друга?

Хор О, жестокие проводы – увы, увы! –
обоих губящие: ай-ай!

Кто из них <несчастнее>?

Меж двух спорных ответов колеблется ум:
тебя мне сначала оплакивать или тебя?

Ор. Пилад, скажи, молю богами: ты согласен?

Пил. Не знаю я. Мне нечего тебе ответить.

Ор. Кто эта девушка? Все знания гречанки
в её вопросах: тяжкий труд под Илионом,
обратный путь ахейцев, и птицегадатель
премудрый Калхас, и родители Ахилла!
Какая жалость к Агамемнону-страдальцу,
расспросы о жене и детях! Чужеземка
действительно из Аргоса. Зачем иначе
ей слать письмо и всё выведывать у нас,
как будто Аргос общим благом с нею связан?

Пил. Меня ты чуть опередил моей же речью,
одно лишь возражу: страдания царей
известны всем, кого они заботить могут.

Ко мне теперь пришла совсем другая мысль.

Ор. Какая? Поделись – и лучше разберёшься.

Пил. Мне будет стыдно видеть свет, когда умрёшь ты.
Мы вместе странствовали, вместе и погибнем,
а то я трусом прослыву и малодушным
как в Аргосе, так и в ущелистой Фокиде.
Рассудят многие (полно ведь негодяев),
что предал я тебя, а сам домой вернулся,
а, может, и убил, поскольку дом твой болен,
замыслил смерть твою, твоей желая власти
с наследством: я ведь на сестре твоей женился.
Вот этого боюсь я, этого мне стыдно.

С тобой придётся вместе дух мне испустить,
и вместе умереть, и вместе быть сожжённым,
как другу следует – да и хулы боюсь я.

Ор. Не надо так. Свои терпеть мне беды нужно.

Одну печаль имея, две не понесу я.
В то, что ты горьким называешь и постыдным,
впаду я сам, когда соратника толкну
на смерть. А мне, поверь, совсем не будет плохо,
игралищу богов, покинуть эту жизнь.
Ты счастлив. Дом твой чист, не поражён болезнью,
а я и нечестив, и полностью несчастен.
Спасись, имей детей с моей родной сестрой,
которую тебе я сам же отдал в жёны,
пусть имя выживет моё, и пусть бездетным
отцовский дом и мой с земли не будет стёрт.
Иди же, и живи, и царствуй в отчем доме!
Когда в Элладу ты придёшь и в конный Аргос,
своею правою рукой тебя молю я:
насыпь ты мне курган и памятник поставь,
дар локонов и слёз пусть даст сестра могиле.
И возвести: убит я некой аргивянкой
у алтаря и освящён для убиенья.
Ты никогда мою сестру не предавай,
ведь дом отца, теперь твой дом, совсем безлюден.
Прощай! В тебе нашёл ближайшего я друга,
со мной охотился ты и со мною вырос,
со мной ты бремя нёс моих печалей многих.
Понятно, что оракул Феба нам солгал:
он хитростью как можно дальше от Эллады
увёл меня, стыдясь своих пророчеств прежних.
Я отдал всё ему, словам его поверил,
зарезал мать свою – и сам вот погибаю!

Пил. Могила будет для тебя, сестры твоей
я ложе не предам, несчастный, потому что
ты в смерти станешь мне дороже, чем при жизни.
Однако божьим прорицанием ещё
ты не погублен, хоть и близится убийство.
Бывает, что необычайное несчастье
готовит путь необычайной перемене.

Ор. Молчанье! В Фебовых словах мне пользы нет:
вон эта женщина выходит из покоев.

Иф. Эй, слуги, уходите в дом и помогите
тем, кто заклятие назначен совершить!
Вот, чужестранцы, многочисленные створки
письма. Послушайте, что я ещё желаю:
никто не остаётся тем же и страдая,
и осмелев, когда уж нечего бояться.
Я опасаюсь, что, покинув эту землю,
не будет ставить ни во что мои приказы
тот, кто письмо моё доставить в Аргос взялся.

Ор. Чего же хочешь ты? В чём видишь затрудненье?

Иф. Пусть клятву даст он мне, что отвезёт письмо
тем из родных моих, кому желаю, в Аргос.

Ор. А ты в обмен на эту клятву поклянёшься?

Иф. Что сделать или же не сделать? Говори!
Ор. Что ты его живым от варваров отправишь.
Иф. Всё справедливо. Как иначе он поедет?
Ор. А ваш правитель даст на это разрешение?
Иф. Да.
Я слажу с ним, доставлю вестника я к судну.
Ор. Клянись! А ты диктуй почтительную клятву.
Иф. Скажи: «Твоим родным письмо отдам я это.»
Пил. Твоим родным письмо я это передам.
Иф. Тебя же я за скалы мрачные отправлю.
Пил. И в этом ты каким клянёшься из богов?
Иф. Мне давней должность в этом храме Артемидой.
Пил. А я – владыкой неба, досточтимым Зевсом.
Иф. А если клятву ты нарушишь вероломно?
Пил. Не быть мне дома. Если ж ты мне не поможешь?
Иф. Пусть в Аргосе и следа ног моих не будет!
Пил. Послушай! Мы одно условие забыли.
Иф. Скажи мне. Дельной мыслью следует делиться.
Пил. Позволь мне исключенье: коли с кораблём случится что-то, и табличка вслед за грузом в пучине пропадёт, а мне спастись удастся, тогда пусть клятва недействительною станет.
Иф. Я вот что сделаю: успех свой укреплю я.
Всё вписанное в складки этого письма скажу тебе, а ты моим родным объявишь.
Так будет безопасно: довезёшь табличку – она сама про всё расскажет молчаливо, а если в море пропадёт моё посланье, то ты, спасённый, и слова мои спасёшь.
Пил. Слова твои для нас обоих превосходны.
Ты объясни, кому письмо доставить нужно, чтоб в Аргосе смогли услышать твой рассказ.
Иф. Скажи Оресту, Агамемнонову сыну:
«Вот Ифигения, убитая в Авлиде, хоть для тебя и неживая, шлёт письмо.»
Ор. Но где она? Из мира мёртвых возвратилась?
Иф. Ты смотришь на неё. Не отвлекай меня!
«Меня ты в Аргос увези, пока жива я, мой брат, из варварской земли, от жертв богине и от губительной для чужестранцев службы...»
Ор. Пилад, что мне сказать? Где очутились мы?
Иф. «... иначе дому твоему проклятьем стану, Орест!» Запомни имя, слышанное дважды.
Пил. О, боги! Иф. За меня зачем богов зовёшь ты?
Пил. Так, низачем. Письмо закончи. Я отвлёкся.
Иф. Он может не поверить и пойдут расспросы.
Скажи: меня спасла богиня Артемида, и в жертву не меня отец принёс, но лань, считая, что меня мечом зарезал острым, а жить я стала здесь. Вот все мои приказы

и всё, что написали для меня в письме.

Пил. Нетрудными меня ты клятвами связала
и поручилась превосходно. Не замедлю
исполнить клятву, принесённую тебе.
Орест, гляди-ка! Я тебе письмо несусь,
которое тебе сестра твоя прислала.

Ор. Я принимаю, на дощечки не взглянув,
и не в словах сначала будет мне отрада.
Сестра любимейшая! Хоть и потрясён,
я обниму тебя неверящей рукою,
какое счастье и какие чудеса!

Иф. Нехорошо, пришелец. Я служу богине.
Не оскверняй мой пеплос неприкосновенный!

Ор. Сестра, ведь мы от одного отца родились,
от Агамемнона! Не отвергай меня!
Я – брат, которого отчаялась найти ты!

Иф. Ты – брат мой? И не перестанешь ты болтать?
Им ныне Аргос вместе с Навплией гордятся.

Ор. Нет, бедная, не там находится твой брат.

Иф. Ты разве был зачат лаконской Тиндаридой?

Ор. Я сыну Пелопсова сына был рождён.

Иф. Что ты сказал? А доказательство имеешь?

Ор. Имею. Ты про дом отца меня спроси.

Иф. А может, лучше скажешь ты, а я проверю?

Ор. Сначала я скажу, что слышал от Електры:
ты знаешь о вражде Атрея и Фиеста?

Иф. Я слышала про спор о золотом руне.

Ор. И, помнишь, выткала на фоне добротканном?

Иф. Любимейший, как тронул сердце ты моё!

Ор. И солнце, вспять идущее, изобразила?

Иф. Да, этот образ тонкой нитью выткан был.

Ор. А воду помнишь, что послала мать в Авлиду?

Иф. Не так уж был хорош мой брак, чтоб позабыть.

Ор. Ну что же? А твой локон, матери вручённый?

Иф. Чтоб вместо тела положить в могилу мне.

Ор. А эти доказательства и сам я видел –
в отцовом доме есть старинное копье:
им потрясая, Гипподамии пизанской
добился Пелоп, уничтожив Ойномая,
оно всегда хранилось в девичьей твоей.

Иф. Любимейший, никто иной – ведь ты любимейший!
Со мною ты, Орест, вдали от вотчины отцовой,
от Аргоса, мой дорогой!

Ор. А ты – со мной, хоть я считал тебя умершей!

Иф. Слезы и плач, смешанный с радостью,
веки твои увлажняют, и мои тоже!
Тебя ещё маленьким
я оставила, младенцем на руках кормилицы,
младенцем в доме.

О, сильнее слов счастье моей души! Что скажу я? Чудесней чудес, превыше речи то, что случилось!

Ор. Отныне счастливы да будем мы друг с другом!
Иф. Странное блаженство я испытала, подруги!
Боюсь, как бы из рук моих в эфир небесный не выпорхнул он!
О, Киклопов очаг, родная земля,
Микены любимые,
благодарю вас за жизнь его, за воспитание,
за то, что вы моего брата родного вскормили, свет нашему дому!

Ор. С рождением повезло нам, но события жизни,
сестра моя, нас превратили в несчастливцев.
Иф. Я помню, бедная, я помню, как свой меч отец, убитый горем, к горлу мне приставил!

Ор. Увы! Я не был с ним, но я тебя там вижу!
Иф. Без песен свадебных, мой брат, в шатёр Ахилла как бы для брака привели меня обманом.
У алтаря там были слёзы и рыдания!
Какою горькою водою я умылась!

Ор. Отцову дерзость я оплакиваю тоже.
Иф. Сиротский жребий получила я, сиротский!
Но из событий прошлого слагаются случайности по воле некоего божества.

Ор. И брата, бедная, ты чуть не погубила!
Иф. Ах, что за горе! Что за дело злое, злое!
Ах, что за ужас, мой родной! Каким-то чудом ты ныне смог избежать смерти нечестивой, от рук моих погибнув!
Но как всё это кончится?
Какая выпадет мне участь?
Какое средство я найду, какое средство тебя из города и от убийства отослать в родимый Аргос,
покуда меч к твоей крови не приближался?
Вот это, это,
несчастливая душа, тебе придумать нужно!
По суше ли спастись – не кораблём,
а смерчем ног бегущих?
Ведь это гибель: через варварские племена и по нехоженным дорогам пробираться!
Но как же сквозь теснину скал свинцовых отправиться в такую даль на корабле?
Ах, бедная я, бедная!
Какой же бог, какой же смертный,
какая же из сил неожиданных,
непроходимый путь пройдя,
двоим оставшимся наследникам Атрея укажет избавленье от несчастий?

Хор Такое чудо, что не выразить словами,
я видела, а не от вестников слыхала!

Пил. Когда друзья с друзьями видятся, пристало
в объятья им, Орест, друг друга заключить.
Но хватит сетовать. Давайте вот о чём
подумаем: как наше доблестное имя
к спасенью унести из варварской земли.
Не упускают люди мудрые удачу
и ловят случай, к новым радостям ведущий.

Ор. Сказал ты хорошо. Судьба, я полагаю,
заботится о нас. Тому, кто сам усерден,
и божество поможет, что вполне разумно.

Иф. Не сдерживай меня и не перебивай.
Я знать сперва хочу, какой удел Электре
достался в жизни. Для меня всё это важно.

Ор. Она вот с ним живёт благополучной жизнью.

Иф. Откуда этот человек? И чей он сын?

Ор. Отец его, фокиец, носит имя Строфий.

Иф. А мать – не дочь Атрея? Родственник он мой?

Ор. Двоюродный твой брат, а мне и друг вернейший.

Иф. Он жил уже, когда отец меня заклал?

Ор. Нет, Строфий некий срок бездетным оставался.

Иф. Приветствую тебя, супруг моей сестры!

Ор. Ещё и мой спаситель, а не просто родич.

Иф. Но как на мать дерзнул ты, как же ты посмел?

Ор. Об этом помолчим. Я мстил за смерть отцову.

Иф. Зачем же ты супруга матери убил?

Ор. Ты мать оставь. Тебе негодно это слышать.

Иф. Молчу. Но Аргос-то признал тебя царём?

Ор. Там правит Менелай, а я теперь изгнанник.

Иф. Не притесняет дядя наш недужный род?

Ор. О нет, меня из дома страх Эриний гонит.

Иф. Ах, да. Тебя богини мучат, мстя за мать.

Ор. Мне рот кровавыми терзая удилами.

Иф. Припадок твой на берегу. Мне донесли.

Ор. Уже не первый раз моё несчастье видят.

Иф. Зачем же в этот край направил ты стопы?

Ор. Мне был оракул Феба, вот я и приехал.

Иф. А цель твоя? Нам говорить о ней? Молчать?

Ор. Я расскажу. Вот многих бед моих начало:
подвергнув мать тому, о чём я умолчу,
приняв на руки зло, бежал я от Эриний
в изгнание, оттуда же меня отправил
в Афины Локсий, чтобы я на суд явился
не называемых по имени богинь.
Священное устроил Зевс там для Ареса
судилище, когда тот руки осквернил.
Приехал я, но из друзей меня сначала
никто не принял, как противного богам.

Лишь кое-кто, стыдясь, давал мне стол особый,
хотя мы были вместе, под одною крышей,
и окружал меня молчаньем, чтобы я
ни с кем не говорил, а ел и пил отдельно.
Пред каждым был сосуд, и наливали Вакха
все равной мерой для себя и веселились.
Я недостойн был хозяев порицать,
страдал я молча, притворяясь, что не вижу,
стена тяжко, ведь я мать свою убил.
Я позже слышал: в память о моих несчастьях
введён закон в Афинах. Там народ Паллады
поныне отмечает праздник винных кружек.
Итак, пришёл на холм Аресов я судиться,
на свой поднялся пьедестал, а на другом
старейшая уже стояла из Эриний.
Я слушал, нёс ответ за материну кровь.
Феб спас меня, свидетель. Поровну Паллада
сложила камушки, своей рукой сочтя их.
Ушёл оттуда я оправданным в убийстве.
Те из богинь, кого решение убедило,
близ места судного создали храм себе,
а те Эринии, кому закон не писан,
меня преследовали в беге бесконечном,
и я опять пришёл к святыне чистой Феба,
простёрся перед храмом, позабыл о пище,
покаявшись прямо там нить жизни разорвать,
коль Феб, губитель мой, спасенья не пошлёт мне.
И вот заговорил треножник золотой:
Феб слал меня сюда за статуей, упавшей
с небес, чтоб я установил её в Афинах.
Ты помоги найти сулимое спасенье!
Забрав богини образ, мы моё прогоним
безумье, и на корабле многovesельном
тебя смогу я возвратить домой, в Микены!
Любимая моя, сестра моя родная,
спаси отцовский дом, избавь меня от смерти!
Погиб и я, и всё потомство Пелопидов,
коль не возьмём небесный образ мы богини!
Какой-то страшный гнев бессмертных закипает
на род Танталов и влачит его сквозь беды!

Хор

Иф.

Желала я ещё до твоего приезда
вернуться в Аргос и тебя, мой брат, увидеть.
Хочу я тоже, чтоб ни ты не знал мучений,
ни дом наш страждущий. На своего убийцу
я не сержусь и отчий род хочу восставить.
Твоим закляньем руки я не запятнаю
и дом спасу наш. Но боюсь, что и богиня
поймёт всё, и тиран, когда он пьедестал
увидит каменный пустым, без изваянья.
Как смерти я избегну? Как я оправдаюсь?

Однако, если оба замысла свершатся
и ты на дивнокормном судне увезёшь
со статуей меня, то это стоит риска.
Оставшись без неё, конечно, я погибну,
но ты свой долг уплатишь и домой вернёшься.
Не уклоняюсь я, раз умереть мне нужно,
тебя спасая. Нежелательна для рода
мужская смерть, а гибель женщины ничтожна.

Ор. Тебя не погублю я. Материной крови
довольно мне. Я разделить хочу с тобою
и жизнь, и смерть, какой бы жребий нам ни выпал.
Я увезу тебя, и сам домой отсюда
отправлюсь, или тут с тобой останусь мёртвым.
Я вот о чём подумал: если Артемиде
противно это, то зачем прорёк мне Локсий,
чтоб вёз я статую богини в град Паллады,
<зачем он мне помог в такую даль забраться>
и на лицо твоё взглянуть? Всё это взвесив,
надеюсь я, что мы добьёмся возвращения.

Иф. Но как же так устроить, чтоб не умереть
и взять что мы желаем? Ведь сорваться может
возврат на родину. Тут нужно всё обдумать.

Ор. А нам по силам ли тирана уничтожить?

Иф. Чудовищная мысль: гостям губить хозяев!

Ор. Но если в том спасенье, надо же решиться!

Иф. Я не смогла бы, но хвалю такое рвенье.

Ор. А если ты меня вот в этом храме спрячешь?

Иф. Чтоб мы сбежать успели под покровом ночи?

Ор. Тьма – собственность воров, а свет – владенье правды.

Иф. Есть в храме стража, от неё нам не укрыться.

Ор. Ну всё, тогда конец нам! Как же мы спасёмся?

Иф. Возникла новая идея у меня.

Ор. Какая? Поделись, чтоб я всё понял тоже.

Иф. Из мук твоих я хитро пользу извлеку.

Ор. Искусны женщины в создании уловок.

Иф. Скажу, что, мать убив, покинул Аргос ты.

Ор. Бери мои несчастья, если в них победа.

Иф. Тебя, скажу, богине жертвовать нельзя...

Ор. И почему же? Я догадываюсь, впрочем.

Иф. ...ты грязен. Жертвой может чистое лишь стать.

Ор. Но как добыть нам это статую поможет?

Иф. Скажу, что морем ты очищен должен быть.

Ор. Но идол, наша цель, останется ведь в храме!

Иф. Его мыть тоже. Прикоснулся ты к нему.

Ор. И где же мыть? В заливе моря полноводном?

Иф. Где твой корабль стоит на вервях льняных.

Ор. Сама ты образ понесёшь? Тебе помогут?

Иф. Сама. Лишь я к нему притронуться могу.

Ор. Ну а Пилад? Как впишется он в наше дело?

Иф. Скажу, твоей он скверной руки запятнал.

Ор. Пойдёшь ты тайно или с ведома тирана?
Иф. Я с ним поговорю. Не скрыться от него.
Ты должен между тем всё прочее уладить.
Ор. К удобной гребле наш корабль уже готов.
Лишь нужно, чтобы эти женщины молчали.
Ты упроси их, убедительные речи
найди. Есть власть у женщин жалость вызывать.
Тогда всё остальное, может быть, удастся.
Иф. Милейшие подруги, к вам я обращаюсь:
от вас зависит, чтобы я была счастливой,
а не ничтожеством, утратившим отчизну,
родного брата и роднейшую сестру!
Позвольте мне сказать вам это для начала:
мы – женщины, и мы взаимно благосклонны,
мы преданы всецело нашим общим целям.
Молчите же про нас и помогите нам
бежать: прекрасно ведь язык иметь надёжный!
На нас троих, друг друга любящих, взгляните:
одна судьба нам – возвращенье или гибель!
Сбежав, тебя, чтоб ты со мной делила счастье,
в Элладу я возьму. Молю рукою правой!
Тебя молю! Тебя! Тебя щекою милой,
коленами молю! Любимейшими в доме
отцом и матерью, молю детьми твоими!
Ну что? Кто хочет этого и кто не хочет?
Скажите же хоть слово! Без поддержки вашей
и я погибла, и многострадальный брат мой!
Хор Держись, родная госпожа! Сама спасайся!
О всех твоих делах молчать я обещаю
(пусть это знает Зевс великий), как велишь ты.
Иф. Спасибо за слова такие! Дай вам счастья!
А вам теперь обоим нужно в храм войти.
Сейчас придёт сюда земли властитель этой
спросить, принесены ли в жертву чужестранцы.
Владычица, меня в Авлидовой долине
спасла ты от руки убийственной отца,
спаси же вновь меня – и их! Иначе Локсий
лгуном из-за тебя окажется для смертных.
Ты, благосклонная, из варварской земли
уйди в Афины, ведь тебе не подобает
жить тут, когда есть город у тебя счастливый!

Хор Алкиона-птица,
у скалистых кряжей моря
о судьбе своей ты поёшь надрывно,
и по этому крику разумным людям понятно,
что ты мужа оплакиваешь пением неустанно,
а я присоединяю свой плач к твоему плачу,
сама бескрылая птица,
тоскуя по собраниям эллинов,

тоскуя по Артемиде, покровительнице родов,
живущей у кинфского возвышения,
по пальме с роскошными листьями,
по хорошо растущему лавру
и по священной ветви голубоватой оливы,
милрой отпрыску Латоны, в муках рождённому,
и по озеру, завихряющему воду
кругами, где лебедь мелодичный
Музам оказывает службу.

О, слёз потоки многие,
на щёки мои упавшие,
когда башни были разрушены
и на судах увезли меня,
добычу вёсел и копий вражеских!
За груды золота купленная,
приехала я к варварам,
где посреднице богини, убивающей оленей,
служу я, девственной
агамемноновой дочери,
у алтарей, где не овец в жертву приносят,
и завидую человеку
во всём несчастному: в бедствиях
не страдает он, ибо вскормлен он с ними.
Несчастье – это перемена судьбы.
Счастье познать, а потом терпеть лишения –
вот этим жизнь тяжела для смертных.

Тебя же, госпожа, пятьдесят гребцов
на аргивском судне домой увезут,
и свирель горного Пана,
скреплённая воском,
будет вёслам ритм задавать,
а Феб-прорицатель, держа
звучную семиструнную лиру,
будет петь, ловко направляя тебя
к тучной земле афинской.
Меня же ты здесь оставишь,
уносясь на шумящих вёслах,
и на ветру паруса, растянутые верёвками,
коснутся канатов, к носу вздуваясь,
выпячиваясь над тараном летящего судна.

Миновать бы ристалища светлые,
где солнечный мчится огонь,
и над родными покоями
прекратить быстрые взмахи
крыльев на спине моей!
В хороводы встать бы,
где ждущей славного брака девушкой,

отойдя от любимой матери,
кружилась я в толпах сверстниц,
соревнуясь в грации,
жаждая состязаться в пышном убранстве волос,
и под многопёстрым покровом
встряхивала кудрями,
щёки свои затеняя!

ФОАНТ

Где эта женщина, хранительница храма,
гречанка? К жертве посвятила чужеземцев?
Они в святилище огнём сияют чистым?
Хор Властитель, вот она! Тебе всё скажет ясно.
Ф. А!
Зачем взяла с неприкасаемого камня,
дочь Агамемнона, ты идола богини?
Иф. Остановись, властитель! В портике постой!
Ф. Что, Ифигения, стряслось такого в храме?
Иф. Мне плюнуть бы теперь, как Праведность велит!
Ф. Ты что за новость предвещаешь? Объясни же!
Иф. Нечистые поймал мне жертвы ты, мой царь!
Ф. Как это знаешь ты? Сама ты так решила?
Иф. Богиня-то на камне повернулась прочь!
Ф. Сама собой? Землетрясение, может, было?
Иф. Сама собой! Она закрыла и глаза!
Ф. А почему? Нечистота на чужестранцах?
Иф. Вот именно! И как ужасны их дела!
Ф. Не варвара ль на берегу они убили?
Иф. Они пришли, в своём же доме кровь пролив!
Ф. И чью же? Умираю я от любопытства!
Иф. Мечи объединив, убили мать свою!
Ф. О, Аполлон! И варвар не дерзнёт на это!
Иф. Со всей Эллады их теперь прогнали вон.
Ф. Поэтому ты, значит, статую выносишь?
Иф. Чтоб эту кровь с неё священный смол эфир.
Ф. Но как узнала ты о скверне чужеземцев?
Иф. Спросив, лишь повернулось изваянье прочь.
Ф. Эллада ум тебе дала. Какая зоркость!
Иф. Они приманкой сладкой мой ловили дух.
Ф. Тебя известием об Аргосе чаруя?
Иф. Что счастлив там Орест, единственный мой брат!
Ф. Надеюсь, что на радостях ты пощадишь их?
Иф. И мой отец, мол, жив и всё с ним хорошо!
Ф. Но ты взяла, конечно, сторону богини?
Иф. Я всю Элладу ненавижу. Смерть мне там.
Ф. Тогда, скажи, как мы с пришельцами поступим?
Иф. Почтить нам нужно установленный закон.
Ф. Зачем же меч твой и вода ещё не в деле?
Иф. Сперва хочу я жертвы начисто отмыть.
Ф. Струёю родниковой или влагой моря?

Иф. Смывает море всё бесславление людей.
Ф. Они тогда пригодней станут для богини.
Иф. Пойдёт на пользу это и моим делам.
Ф. Не возле храма ли о берег волны бьются?
Иф. Простор мне нужен – для обрядов остальных.
Ф. Веди куда угодно. Тайн я знать не жажду.
Иф. И статую богини нужно мне отмыть.
Ф. Раз есть на ней проказа матереубийства.
Иф. Иначе я её бы с камня не взяла.
Ф. И набожность твоя законна, и разумность!
Иф. Знаешь, что теперь мне нужно? Ф. Ты мне это разъясни.
Иф. В цепи ты закуй пришельцев. Ф. Но куда же им бежать?
Иф. Доверять нельзя Элладе. Ф. Цепи им надеть, рабы!
Иф. И пускай сюда пришельцев к нам выводят... Ф. Сделать так!
Иф. ... лица им прикрыв плащами. Ф. Чтобы солнца не пятнать.
Иф. Слуг пошли со мною тоже. Ф. Эти вот пойдут с тобой.
Иф. Пусть и кто-нибудь объявит в городе... Ф. Объявит что?
Иф. ... чтоб все дома оставались. Ф. И от скверны береглись?
Иф. Нечисты такие вещи. Ф. Эй, ступай и всем скажи!
Иф. Чтоб никто не приближался! Ф. Как ты город бережешь!
Иф. Защищать друзей мне нужно. Ф. Обо мне ты говоришь!
Иф. <Царь мой!> Ф. Правильно весь город восхищается тобой!
Иф. У святилища богини оставайся. Ф. А зачем?
Иф. Зданье факелом очисти. Ф. К возвращенью твоему.
Иф. Только выйдут чужестранцы к нам сюда... Ф. Что делать мне?
Иф. На глаза накинь ты пеплос. Ф. Чтоб себя не осквернить!
Иф. Если долго не вернусь я... Ф. Сколько времени мне ждать?
Иф. ... не дивись. Ф. Богине с толком послужи, не торопись.
Иф. Удалось бы очищенье! Ф. Я молюсь о том с тобой.
Иф. Вот из дома вышли слуги. Вижу я и чужеземцев,
и наряды для богини, и ягнят новорождённых
(кровью их я кровь отмою), пламя факелов и утварь,
нужную для очищенья и пришельцев, и богини.
Горожанам говорю я: уклоняйтесь от заразы!
Если чистыми руками храм богов ты охраняешь,
собираешься жениться или с ношей в чреве ходишь,
то беги, сойди с дороги, не пятнайся этой скверной!
Чадо Зевса, дочь Леты, повелительница-дева,
если эту кровь я смою, дам и жертв тебе, где нужно,
заживёшь ты в чистом доме, и счастливыми мы будем.
Прочее богам премудрым и тебе скажу, богиня!

Хор Прекрасный сын Лето,
некогда в делосских плодоносных долинах
<рождённый>, златовласый,
искусный в игре на кифаре, меткому луку
радующийся! Унесла она сына
от приморского кряжа,
покинув славное ложе родильное,
к матери бурных вод,

ликующей <вместе с> Дионисом
парнасской вершине,
где пестроспинный, винноцветный дракон
медью блистал в тени густолистого лавра,
порождение недр, огромное чудище, обвившее оракул земной.
Совсем ещё ребёнок,
резвящийся на руках любимой матери,
ты убил его, Феб, и вступил в оракул священнейший,
и сидишь на золотом треножнике, на нелживом троне,
давая смертным божественные прорицания
из внутренней комнаты, рядом с кастальскими струями,
и дом твой в центре земли.

Когда же Фемиду, дочь Геи,
выгнал <сын Лето> из священнейшего
прорицалища, Земля нарожала
ночных призраков-с<новидений>:
они о сбывшемся и том, что сбудется,
многим созданьям, обладающим речью,
спящим на тёмной земле,
сообщали. Так Гея
лишила Феба чести пророчеств,
негодую за дочь свою.
Но быстроногий царь, устремившись к Олимпу,
рукою детской обхватил трон Зевса,
моля избавить пифийский дом от земного гнева богини.
Тот рассмеялся, что дитя так быстро пришло,
желая иметь богатые золотом богослужения,
тряхнул волосами, веля оборвать голоса подземные,
и, забвенье ночное забрав у смертных,
восстановил почтение Локсию
и у трона его, окружённого толпами чужестранцев,
дал смертным уверенность в пророческих песнях.

ВЕСТНИК

О, стражи храма и алтарная прислуга,
где царь Фоант, пределов этих повелитель?
Откройте же крепкосколоченные двери,
властителя страны из дома позовите!

Хор А что стряслось? Могу спросить без разрешенья?
Вест. Из виду скрылись двое юношей, сбежали!

Притом, как дочь им Агамемнона велела,
страну покинули со статуей священной,
везя её во чреве греческого судна!

Хор Не может быть! Но тот, кого ты хочешь видеть,
властитель всей страны, из храма в спешке вышел.

Вест. Куда же? Знать о приключившемся он должен.

Хор Не ведаем. Давай, беги за ним немедля,
и там, где ты его найдёшь, ты всё расскажешь!

Вест. Вот видите, как род ваш женский вероломен!

Хор Не обошлось тут и без вашего участия!
Ты спятил! Что нам до побега чужеземцев?
Чего стремглав ты не бежишь к воротам царским?

Вест. Не раньше, чем слуга какой-нибудь мне скажет,
внутри ль властитель царства или не внутри он.
Эй, в доме! Слышите? Засовы отоприте!
Скажите господину: у ворот стою я
и ношу новых бедствий возвестить готовлюсь!

Ф. Кто поднял крик такой у входа в дом богини?
Кто в дверь стучит, покои шумом наполняя?

Вест. Вот эти женщины мне лгали, чтоб ушёл я.
Мол, ты не дома. Ты же здесь, как я и думал!

Ф. Зачем им лгать? В охоте за какою пользой?

Вест. Потом о них я расскажу, а ты послушай
о срочном деле. Ифигения, юница,
которая у алтарей твоих служила,
с пришельцами сбежала, досточтимый образ
богини взяв. Обманом было очищенье!

Ф. Ты что? В неё вселился дух каких событий?

Вест. Она Ореста вызволяла. Удивляйся!

Ф. Какого же? Не сына ль дочки Гиндарея?

Вест. Его у алтаря богиня посвятила.

Ф. О чудо! Как названье лучшее найти мне?

Вест. Ты к этому не обращай свой ум, но слушай!
Обдумай здраво всё и, выслушав, реши,
как за пришельцами пуститься нам в погоню.

Ф. Рассказывай. Ты прав. Не так уж далеко
ушли они, чтоб моего копья избегнуть.

Вест. Когда пришли на побережье мы морское,
где парусник Ореста бросил тайно якорь,
то нам, кого послал пришельцев ты в оковах
держатъ, кивнула, прочь веля нам отойти,
дочь Агамемнона, чтоб тайный развести
огонь для очистительного приношенья.
Одна, руками цепи взяв, она пошла
вослед пришельцам. Хоть и полны подозренья,
решили слуги отпустить её, мой царь.
Затем, притворствуя, что занята обрядом,
она заголосила варварские песни,
заворожила, скверну будто бы снимая.
Сидели долго мы, и в голову пришло нам,
что могут чужестранцы расшатать оковы,
прикончить девушку и убежать отсюда.
Но в страхе увидеть запретное мы молча
сидели. Наконец, решились как-то сразу
пойти взглянуть на них, пусть нам и не велели.
И вот мы увидали греческое судно
на крыльях ладных вёсел, по бокам висящих,
и пятьдесят гребцов, те вёсла на колках
державших, и обоих юношей, свободных

от наших пут и у кормы стоявших судна.
Одни шестами нос равняли, а другие
на эпотиды якорь вешали. Те сходни
для девушки спускали спешно и руками
канаты кормовые в море отдавали.
Мы потеряли уваженье к ней, увидев
её коварные уловки. Мы схватили
и чужеземку, и канаты, вырывая
кормила из пазов кормы прекрасной судна.
Пошла и перебранка: «По какому праву
вы идолов и жриц из этих мест крадёте?
Ты кто и чей, что ты везёшь её отсюда?»
А он: «Так знай: Орест я, брат её родной,
сын Агамемнона. Сестру я забираю,
которую давно из дома потерял.»
Но не слабей за чужестранку мы держались,
стремясь насильно привести её к тебе.
Вот щёки у меня так страшно и разбиты,
оружья не было ни в их руках, ни в наших.
Обрушились на нас кулачные удары,
и ноги юношей, сражающихся вместе,
то в бок, то в печень поражали нас нещадно.
Едва сплотились мы, как полностью раскисли.
Покрыты оттисками страшных их печатей,
бежали мы к утёсу, кто с кровавой раной
на голове, а кто с подбитыми глазами.
На возвышеньи встав, теперь мы осторожней
сраженье повели, бросая сверху камни.
Но лучники, с кормы пускающие стрелы,
мешали нам и оттесняли нас всё дальше.
Тогда (ужасная волна прибила к суше
корабль, и <девушка> ступить боялась в воду),
Орест поднял её на левое плечо,
вошёл по пояс в море и, на сходни прыгнув,
сестру доставил на удачливое судно,
а также образ дщери Зевсовой, упавший
с небес. Потом раздался в середине судна
какой-то голос: «Моряки земли элладской,
берите вёсла, бурно вспенивайте волны!
Мы взяли то, за чем мы в негостеприимный
пустились путь и Симплегады миновали!»
Они же в испуге радостном взревели,
ударив по волнам. Пока корабль был в бухте,
он к выходу скользил, но, бухту перейдя
и с мощным встретясь валом, начал надрываться.
Поднялся страшный ветер, и назад кормою
вдруг парусник погнал, гребцы же упирались,
волнам сопротивляясь, но назад, к земле,
прибой возвратный нёс корабль. Тогда, поднявшись,
дочь Агамемнона взмолилась: «Дщерь Латоны,

я жрица ведь твоя, доставь меня в Элладу,
из варварской земли, прости меня за кражу!
Ты брата собственного любишь ведь, богиня.
Пойми: люблю и я моих единокровных!»
Гребцы же в тон молитвам девушки запели
пеан и, <пеплосы> на плечи закатав,
на вёсла налегли, послушные команде.
Но ближе, ближе к скалам подходило судно.
Из нас кто в море уж пустился босиком,
кто связывал петлёй плетёные верёвки,
а я сюда, к тебе, отправлен тотчас был,
чтоб о случившемся тебе, мой царь, поведать.
Иди скорее, в руки цепи взяв и петли!
Покуда ветер не утихнет над морем,
надежды на спасенье чужестранцам нет.
Благоволит морской владыка Илиону,
могучий Посейдон, враждебный Пелопидам,
и ныне даст он Агамемнонова сына
тебе и гражданам, с его сестрой, как видно,
уже забывшей про авлидское убийство
и обличаемой в предательстве богини!
Хор Ах, Ифигения-бедняжка! Вместе с братом
умрёшь ты, вновь попавшись в руки господина!
Ф. Все горожане этой варварской страны,
скорей набросьте на коней своих уздечки,
скачите к побережью, с греческого судна
упавший груз хватайте, с помощью богини
спешите этих нечестивцев изловить,
а вы спускайте в море стаю быстрых лодок,
чтоб и по морю, и по суше, на конях,
настигнуть беглецов и либо их с крутого
утёса сбросить, либо на кол насадить!
А с вами, женщины, пособницами козней,
я разберусь немного позже, на досуге.
Уж я вам отомщу. Теперь же предстоит
мне дело спешное, и медлить не могу я.

АФИНА

Куда, куда бежишь в погоню ты, о царь
Фоант? Послушай, что тебе Афина скажет.
Ты войск стремительный поток останови!
Послушен предсказаниям Локсия, приехал
сюда Орест, спасаясь от Эриний гневных,
свою сестру желая в Аргос увезти,
а статую священную – в мой край родимый,
чтоб нынешние беды умиротворить.
Вот речь моя тебе. А что же до Ореста,
которого убить ты хочешь в море шумном,
то мне в угоду Посейдон уж расправляет
хребет морской, давая выход кораблю.

Орест, узнай и ты веления мои
(ты, правда, далеко, но слышишь глас богини):
ты с изваяньем и сестрою уезжай!
Когда прибудешь в богозданные Афины,
одно есть место у аттической границы,
соседствует с которым горный кряж каристский,
священный. Мой народ назвал то место «Галы».
Там храм построй, поставь и статую мою,
дав имя ей земли тавридской, в поминанье
твоих мучительных блужданий по Элладе
под жалами Эриний. Смертные отныне
там будут славить Артемиду Таврополу.
И утверди закон: на празднествах народных,
чтоб отплатить за то, что не был заклан ты,
да пустят кровь мечом из шеи человека
лишь для обряда и почтения к богине.
Ты у священных, Ифигения, бравронских
террас хранить ключи богини этой станешь.
Когда умрёшь, твою могилу украшать
прекрасно сотканными пеплосами будут,
которые в домах останутся от женщин,
при родах испустивших дух. Велю я также
вот этих эллинок отправить из страны
за ум их справедливый. А тебя и раньше,
Орест, я на холме Аресовом спасла
голосованьем равным. Пусть отныне будет
закон: кто равные получит голоса,
тот оправдается. Так увози сестру,
сын Агамемнона! Не гневайся, Фоант!
Владычица Афина, кто словам богов
не повинуется, тот неблагоразумен.
Ни на Ореста, изваяние богини
унёсшего, ни на сестру его не злюсь я.
Что пользы спор вести с могучими богами?
В страну твою пусть едут вместе с изваяньем
богини, пусть поставят статую счастливо!
И этих женщин я в блаженную Элладу
отправлю, твоему послушен приказанью.
Сдержу я на пришельцев поднятые копья
и вёсла кораблей, раз ты велишь, богиня!

Ф.

Аф.

Счастья в плаваньи вам! Будьте рады,
что средь выживших вы оказались!

Хор

О, священная и для бессмертных,
и для смертных, Паллада Афина!

Всё мы сделаем, как ты велишь нам.
Как приятно своими ушами
эти речи нежданные слышать!
О, великая, славная Ника,
жизнь мою ты возьми под крыло
и венки мне вручай непременно!

Брисбен, 1.03.-11.09.2012